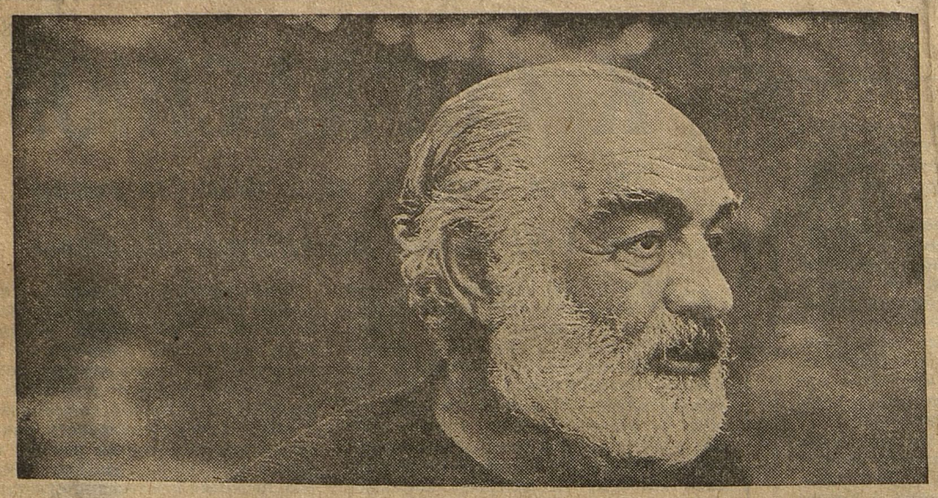
Параджанов С.

24/X-90



Сергей Параджанов умер в этом году. Его унижали, его гноили, его боялись. На следующий день после смерти французское телевидение объявило, что мир потерял одного из последних гениев седьмого искусства. Автор фильмов «Тени забытых предков», «Цвет граната», «Легенда о Сурамской крепости», «Ашик-Кериб»; художник, творивший немыслимые по изяществу коллажи, куклы... да все что угодно; знаток антиквариата — хранитель древностей, парадоксалист, но главное — свободный человек-Легенда, не один год просидел в тюрьмах и лагерях своей родины. Он не снял «Бахчисарайского фонтана», «Чуда в Оденсе», «Киевских фресок «Давида Сасунского», «Интермеццо»... Но успел оставить нечто большое — тайну уникальной способности оставаться самим собой: и в своем величии, и в своих претензиях, и в своих слабостях. Жизнь Параджанова — придуманная, сотворенная им история. Рассказы о доме, сестрах, детях, родственниках — близкая и дальних — действительность, рожденная в его воображении. И ее невозможно отделить от реальности, как невозможно не верить в подлинность сочиненных им легенд. В этом его неповторимость.

ПРИНЦ И РОЗА

ИЗ ЖИЗНИ СЕРГЕЯ ПАРАДЖАНОВА

О Сергее Параджанове вспоминают:

А. Атанесян — кинорежиссер, ассистент С. Параджанова.

Г. Параджанов — племянник, воспитанник С. Параджанова.

Г. Параджанов. Сергея Параджанова уничтожали по заранее выработанному перспективному плану. Для начала его посадили в 1947 году в Тбилиси. Это была черновая репетиция. Первая проба. Посадили без суда и следствия. Выпустили без особых юридических проволочек. Просто выкупили.

С 1971 по 1975 год он провел на Украине. В строгом режиме, с уголовниками — меньше трех-четырех судимостей там ни у кого не было.

В 1982-м Параджанов вновь оказался в тбилисской тюрьме. Через 11 месяцев получил условное освобождение. Суд открылся в Доме искусств в День советского кино. Инкриминировалась «дача взятки» за мое поступление в театральный институт, где я в то время учился на четвертом курсе. Меня вызвали в МВД. Объяснили, что в сочинении, тщательно проверенном экспертами «органов» через три года после вступительных экзаменов (!), насчитали 62 (!) ошибки. Я совершенно растерялся — первый раз оказался в такого рода учреждении. К тому же только что умер мой отец. Они уговаривали, убеждали, требовали признать «факт взятки». Дали понять, что за определенную мзду дело можно закрыть. Параджанов повез пятьсот рублей. Конечно, это была ловушка. Его взяли «на месте преступления». И я невольно оказался виновником.

А. Атанесян. Найти повод для ареста Параджанова не составляло никакого труда. По советским законам он был настоящим бомжем — нигде не прописан, нигде не работал. В любой момент мог быть привлечен «за тунеядство». После второй посадки его выгнали — так уж принято в наших творческих организациях — из Союза кинематографистов. Не было бы Гарика, нашли бы любую другую причину. Например, связь с иностранцами. У Сережи всегда хоть один несоветский человек в день, но уж обязательно. А в Тбилиси в «эпоху застоя» с этим не шутили.

Сережа мешал всем. Правительству, соседям, кинорежиссерам... Он любил правду и был неумолим в оценках. Многие начинали его тихо ненавидеть.

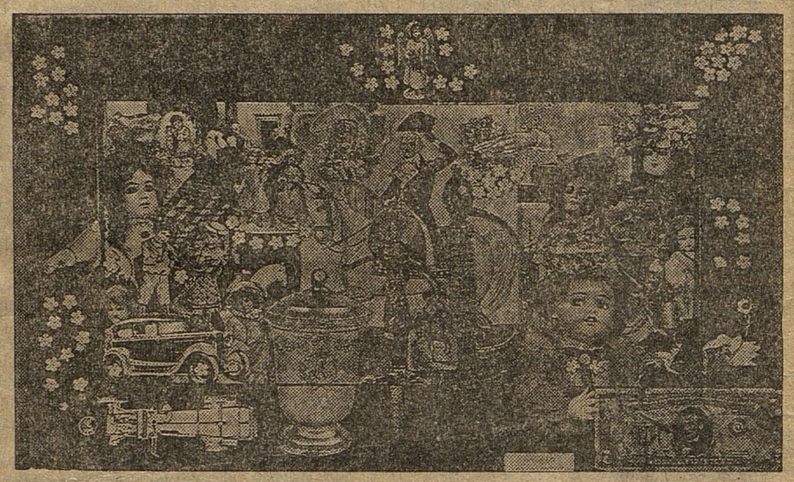
Г. П. С. И. всегда оставался свободным человеком. Поэтому совершенно не странно, что лучшими своими годами он называл годы заключения. Они убивали его не тюрьмой. Хотя это само по себе страшно. Они убивали его, запрещая работать. 15 лет. 30 сценариев. Несняты фильмы. «Исповедь» — это история нашей семьи, староверийского кладбища, где похоронены Сережина прабабушка, мать — моя бабушка, которая воспитала мою маму, дядю Сережу, меня. «Исповедь» — это история о том, как кладбище по решению горсовета превращается в парк культуры и отдыха, а мертвецы стучатся в наш дом и просят убежища. Это фильм об обысках 38-го года, о том, как арестовывали дедушку, как прятали бабушкину шубу от НКВД. У нас была французская шуба из щипаного котика. В 30-м году дедушка купил ее у хозяина табачной фабрики. Эту шубу всю жизнь прятали — то от НКВД, то от КГБ, потому что она была богатой, красивой, крашеной, французской. Бабушка надела ее дважды. Как-то ночью шел снег. Дедушка разбудил ее и сказал: «Встань, снег идет». Бабушка встала, как сомнамбула, надела шубу на ночную рубашку и простояла в ней всю ночь. И вот одно из самых сильных детских впечатлений Сережи: утро, бабушка в мокрой шубе. Он очень испугался — ему показалось, что ее всю ночь жевали буйволы?!

Второй раз бабушка надела ее на похороны дедушки. Он умер в августе. Соседи сказали: «Надень шубу».

А. А. Я лично жалею о двух параджановских фильмах. «Киевские фрески» и «Чудо в Оденсе». «Киевские фрески» закрыли по причине «хімерности и сюрреалыстычности», как писала украинская пресса. Это единственный случай, когда Параджанов снимал современную картину. Историю о режиссере, который в День Победы послал цветы и апельсины старому генералу. Грузчик, с которым он передал свои дары, попал, перепутав дверь, к вдове солдата. Она обрела мужчину, он — покой. А параллельно шли эпизоды из жизни Киева.

«Чудо в Оденсе» — придуманная Параджановым жизнь Андерсена. Сказка про великого сказочника, воображенная Сережей. В тот день, когда сценарий запустили, Параджанова посадили.

Г. П. Мы жили в старом тбилисском доме на горе святого Давида: бабушка, мама, дядя Сережа... Мне было 9 лет. С. И. снимал «Цвет граната». Он часто приезжал с Украины в Тбилиси и читал друзьям сценарий. Там была такая фраза: «Саят-Нова закрыл глаза и ударился о гроб». На этом месте я вбегал в комнату с криком: «Не читай, не читай». Вставал на табуретку и слушал. Сергей надевал на меня костюм Саят-Новы — я должен был изображать его маленького. Не сыграв в фильме, я был первым артистом, точнее, первым муляжом: крутил головой, делал какие-то балетные движения, бился головой о гроб — входную дверь. В доме стоял страшный хохот.



Коллаж Сергея ПАРАДЖАНОВА

А. А. Параджанов действительно был гением сумасбродных выходок. Он, конечно, крепко надоел на Украине. Вытворял, с точки зрения здравого смысла, чудовищные вещи. Например, приглашают его свидетелем по делу о валютных махинациях. Спрашивают: «Вы знаток ювелирного искусства, коллекционер, эксперт. Не могли бы вы сказать, кто мог бы быть покупателем этих драгоценностей?!» «Запросто, — отвечает Параджанов. — Мадам Шелест (жена первого тогда секретаря компартии Украины)...» И это самый безобидный параджановский «перл».

Г. П. Существовать в наэлектризованном «поле» нашего дома было просто невозможно. Но в Параджанове, который впитал всю семейную страстность или сумасбродность, была потрясающая легкость. Я наблюдал его жизнь пятнадцать лет изо дня в день и не могу сказать, что был свидетелем так называемых мук творчества.

А. А. Иногда Сережа читал мне лекции по искусству кино. Это было так: виртуозная матерная увертюра — 2 минуты, основная часть — 1,5 минуты. Например:

— Сказка «Принц и роза». «Жил-был принц. Жила-была роза. Принц полюбил розу». Вот смотри, как это просто снимать. Ничего не надо придумывать.

Первая строчка: «Жил-был принц». Белая комната, красивый стул. Бэмц — на стуле появляется прекрасный юноша — принц. Вторая строчка: «Жила-была роза». Белая скатерть, желательно — венецианская. Бэмц — на скатерти появляется роза. Третья строчка: «Принц полюбил розу». Интерьер тот же. Принц — в той же позе, в руках у него роза. Вот и все кино.

Г. П. Вот Параджанов принимает Тарковского. Он жил тогда в Киеве на бульваре Шевченко и дружил с дрессировщиком по фамилии Шевченко. В квартире шел ремонт. Кто-то сказал, что придет Тарковский. С. И. попросил Шевченко принести четыре мешка опилок и привести пони.

Абсолютно белые стены, на полу опилки, к батарее привязан пони. Сережа накрыл дубовый стол белыми кружевами «шантилье», поставил серебряный сосуд, который называл кубком Потоцкого... Поставец Кочубея, алебарда Надир-шаха — легенды, легенды...

Вот он наливает из очень старой грузинской бутылки красное вино в кубок Потоцкого. Заходит Тарковский. Параджанов смотрит на него и продолжает лить вино. Оно переливается через край и расплывается красным пятном по белой скатерти. Тарковский говорит: «Сергей, что вы делаете, вы ж запачкали скатерть». Сергей отвечает: «Я вижу, но вы выше, чем скатерть».

Если это и был театр Параджанова, то это был театр, недоступный никому, кроме Параджанова.

А. А. Он был из породы гениев. Где-то в 82-м году мы работали над режиссерским сценарием «Легенды о Сурамской крепости». Я его спросил: «Сережа, что движет художником? Почему ты снимаешь именно это? Есть ли в этом Бог или хоть какая-то закономерность?»

Сережа ответил поразительно: «Мною всю жизнь движет зависть. Я завидовал красивым — и стал обаятельным, я завидовал умным — и стал неожиданным».

Конечно, это была зависть совершенно особого, параджановского толка.

В Грузии есть пословица: «Сумасшедший свободен». Когда Параджанов чудил, соседи говорили: «Сумасшедший свободен». Что хотел, то и делал. Хотел — рисовал, не хотел — не рисовал. Обожал гостей. Сидели днями, ночами. Уставал от гостей — поворачивался и уходил. Отдыхал — приходил. Не хотел никого видеть — закрывал дверь и говорил: «Меня нет дома». Был мастером писать обличительные письма. Не привезли какую-то фанеру на съемки — строчит: «Ассистенты — предатели, художник — вор...» Когда мы снимали «Сурамскую крепость», он пылко описывал, как директор картины украл два мешка денег и был замечен уходящим с ними в горы. Его посланий удостаивались министр культуры Грузии Акакий Двалишвили, например, или директор «Грузии-фильма» Резо Чхеидзе... Он вручал их мне, я складывал все в большую папку и относил, как правило, Додо Абашидзе — сорежиссеру и главному герою «Сурамской крепости». Потом мы собирались вместе — Додо, Чхеидзе, Сихарулидзе (директор фильма) и читали его «доносы». Зная Параджанова, все дружно веселились. Случались, правда, истории и попечальнее.

Г. П. Сережа так описывал одно из своих лагерных путешествий:

— Когда я приехал на зону, меня отправили в гранкарьер. Я думал, что это какой-то большой карьер, потому что я был большим режиссером. Французы считали меня гран-режиссером, у меня был «Гран-при». Оказалось, что это гранитный карьер.

Здесь Сергей Параджанов долбил щебень для дорог Украины. В строгом режиме, во вшах, в грязи. Был прачкой, сторожем, дворником, поливал потрескавшуюся от зноя землю, надрывался...

На зоне он вытряхивал мешки из-под сахара. Из одного мешка он сшил куклу — Лилю Брик. Самая что ни на есть Лиля Брик: стоит с дамской сумочкой, а рядом лошадка — из того же мешка. Куклу неоднократно воровали. Даже наши соседи в Тбилиси ее украли и согласились вернуть за выкуп в 100 рублей. С. И. дружил с Лилей Брик. Она ему покровительствовала. Есть такая традиция у уголовников — посылать заочницам (любимым женщинам, которых в глаза никто не видел) всякие «презенты», в том числе и розы, сделанные из старых носков. Однажды С. И. послал Лиле Брик такую розу-носок. Она ему ответила телеграммой: «Дорогой Сережа! Ваши произведения, как и ваши фильмы, меня потрясают. Но они как-то специфически пахнут, и я их поливаю одеколоном «Мустанг». Сережа написал, что это делал не он, а мальчик Зозуля. Вскоре пришла очередная телеграмма: «Передайте мальчику Зозуле, что при выходе из тюрьмы он снимет фильм не хуже ваших».

Он собирал разноцветные, похожие на пирожные-завитки алюминиевые стружки. Сделал из них фараона Тутанхамона. Куклу. Кажется, подарил ее Г. Месхешвили.

В штанах, в ватниках выносили за зону все, что он делал. Выносили все — от зэков до вохры.

Он прошел через всё. Его били уголовники. Фени он не знал, не чифирил, ацетон не пил. Его били зверски, между рядами стульев в клубе. И никто не мог к нему подойти: не в правилах зоны. Они считали, что Сережа — человек с высшим образованием, режиссер, специально сидит, чтобы снять фильм. К тому же у него, как известно, была грязная статья (гомосексуализм). Перед тем как лечь в последний раз в больницу, Сережа рассказывал, что в цех, где он был уборщиком, впустили однажды ледяную воду. Начинались заморозки. Он стоял по колено в замерзающей воде и вычерпывал ее всю ночь.

Тем не менее он приобрел авторитет. Уголовники ему с уважением говорили, что, мол, мы их на словах употребляли, а ты — на самом деле. В одном из пунктов Сережиного обвинения значится, что он изнасиловал члена КПСС.

А. А. Сережа создал из этого пункта обвинительного заключения целую историю. Утверждал, что всю жизнь мстил коммунистам и изнасиловал 300 членов КПСС.

Г. П. Когда-то из-за дружбы с «отрицаловкой» у Сережи отняли карандаши, он стал собирать крышки от молочных бутылок (молоко выдавали туберкулезникам) и придумал технику гравировки фольги. Он делал «талеры» с изображениями исторических личностей: Петра I, Богдана Хмельницкого, Пушкина, Гоголя... Фольгу потом заливал смолой. Пару таких «талеров» отправили на экспертизу в Москву, — хотели доказать, что он ко всему прочему и сумасшедший. Из Москвы пришел ответ: «Талантливый, даже очень». Может быть, и это легенда, не знаю.

А. А. Сережа — хрестоматийный пример того, каким должен быть художник. Художник делает то, чего ему не хватает в жизни. Параджанов скучал по многим вещам. Например, по антикварной мебели — и сделал из бересты гарнитур «карельской березы» (бересту окрасил йодом или марганцовкой). Он скучал по картинам Пиросмани — и сколлажировал из цветов и травы точную копию актрисы Маргариты. Не хватало Пушкина — сделал монету. Не было карт — нарисовал карты. Не хватало Бога — нарисовал шариковой пастой на белом носовом платке «Плащаницу для вора» — несколько библейских сюжетов. Этот человек мог сделать всё.

Г. П. Начальник лагеря: «Осужденный Параджанов, вы плохо работаете, без огонька». Осужденный Параджанов (дворник) поджигает метлу, прыгает и приговаривает: «Вот теперь с огоньком».

Из лагерей Параджанов «вынес» свои ненаписанные сценарии. К ним принадлежит «Лебединое озеро — зона» — две новеллы. Первая. Вор на зоне выпил ацетон. Там пьют все. Он выпил ацетон. Умер. Тело уже грузят на телегу — везти в морг. Оказывается, что это клиническая смерть (врач из медпункта установил, по случаю). Нужна кровь. Вохровец — молодой парень — отдает свою кровь. Вор выжил и вернулся на зону. Для всех он стал ссучившимся. Зона требовала, чтобы он выпустил из своих жил ментовскую кровь. Он вскрыл себе вены. Однажды утром его нашли на снегу со вскрытыми венами.

И вторая. Парень сбежал из тюрьмы. На него объявили всесоюзный розыск. На границе Украина—Россия стоял железный «Серп и молот». Ко всем праздникам его красили (к 7 ноября, 9 мая), но никогда не добирались до верхушки — оторванного куска железа. В этом полом квадрате молота парень и скрывался. Ночью выходил, собирал коренья. Проезжали машины, груженные арбузами. Арбузы падали и бились на дороге. Он подбирал их. Потом появилась коза. Он научился ее доить. Появилась женщина — хозяйка козы, стрелочница. Он стал с ней жить. Она забеременела.

Финал. Его увозят. В заваренном автогеном молоте блеет коза. Женщина идет по дороге. Начинаются предродовые схватки. Дождь. Мимо проносятся огромные, груженные арбузами самосвалы. Арбузы падают, лопаясь на две части...

В знак примирения с Ю. Ильенко — оператором «Теней забытых предков» (я не буду рассказывать об их ссоре) Параджанов подарил ему этот сценарий. Ильенко привез отснятый материал в Тбилиси. Мы вместе его смотрели — С. И., его друзья... Очень точно сказал В. Джорбенадзе, близкий и давний друг Сережи: «Я за Параджанова, но против параджановщины». Нельзя подражать Пикассо. Невозможно подражать Параджанову.

А. А. Сережа рассказывал мне, как снимались «Тени забытых предков».

Эпизод «оплакивания Миколы». Кладут на стол гроб, сажают местных бабушек-плакальщиц. Готовы? Готовы. Начали. Бабушки не плачут. «В чем дело?» — «Гроб пустый» (пустой). Сережа — ассистенту: «Ложись в гроб». Ассистент ложится в гроб. Мотор. Начали. Бабушки молчат. «В чем дело?» — «Вин молодий» (он молодой). Нашли деда. Положили в гроб. Начали. Бабушки не плачут: «Вин дурний» (он плохой). Привели деда из соседней деревни, своего, любимого. Положили в гроб. Тут такой плач поднялся: «Ой, Микола, на кого ты нас подыкнул». Сняли — остановить не могли.

Или: искали музыку для «Теней» — нашли деда. Он играл на каком-то особенном инструменте — дощечке с проволочкой. Дед спрашивает Сережу: «Что тебе сыграть? Веселое чи (или) грустное?»

Сережа: «Давай веселое». Дед: «Тинь-тинь-тинь». Сережа: «А теперь давай грустное». Дед: «Тинь-тинь-тинь». Сережа в недоумении: «Что веселое «тинь», что грустное. Разницы вроде никакой». Дед: «Не понял? Тогда я буду играть сначала веселое, потом кивну головой, начну грустное. Слушай внимательно, — Начал. Тинь-тинь-тинь — кивок — тинь-тинь-тинь. — Понял?» Сережа: «Нет». Дед: «Тогда не снимай кино про гуцульщину». А в результате — шедевр мирового киноискусства. Сережа не вписывался ни в какие рамки.

Он мог всё. Снять фильм художественный, про телеграфный столб — пожалуйста. «Мать» в опере — ради Бога. Поставить балет «XXIX съезд КПСС» в Георгиевском зале — запросто.

Г. П. У меня есть один Сережин эскиз к «Гамлету». Он очень хотел его поставить. Существует легенда, что Параджанов сделал «Гамлета» с уголовниками на зоне. Он никогда не принимал участия в официальной «культурной жизни» лагеря. Но о «Гамлете» действительно думал. Такое вот начало.

Двенадцать голых юношей изображают ветры Дании. На сцене натянуты бычьи пузыри — карта Дании. Эта карта превращается в парус, который все время в движении. В финале в нее заворачивают Гамлета...

С. И. писал из лагеря своей бывшей жене: «Светлана, дорогая, когда я родился, я увидел облако, красивую мать, услышал шум ветра, звон колокола, и все это с балкона детства, и за все это надо платить».

Литературная запись Е. МАЛЬЦЕВОЙ